

Коваленко К. С. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Основные мотивы в лирическом цикле М. Цветаевой
«Георгий»*

Аннотация. В статье рассматривается динамика основных мотивов в лирическом цикле Марины Цветаевой «Георгий», относящемуся к переходному, кризисному периоду творчества поэта. Ведется последовательный анализ семи стихотворений цикла, для того чтобы выявить метасюжет. Особое внимание в статье уделяется основополагающим библейским мотивам, связанным с традиционным жанром жития, а также автобиографической основе, которая ведёт к трансформации образа Святого Георгия. Делается вывод о контрастных мотивных рядах, организующих цикл, о его ассоциативной сложности и многозначности.

Ключевые слова: литературные мотивы, поэтические образы, лирические циклы, лирические герои, архетипы, поэтическое творчество, русская поэзия, русские поэтессы.

Kovalenko K. S. (Yekaterinburg,USPU)

The main motives in in the cycle «George» M. Tsvetaeva

Abstract. The main motives in the lyric cycle of Marina Tsvetaeva «George» (1921-1922) from the book of poems «Craft» referring to the transitional crisis period of the poet`s work are considered in the article. The verses of the cycle are analyzed is conducted in order to reveal the meta-story. Particular attention is paid in the article to the underlying biblical motifs associated with the traditional genre of life, as well as the autobiographical basis that leads to the transformation of the image of St. George. A conclusion is drawn about the contrasting motivational series that organize the cycle, its associative complexity and multivaluedness.

Keywords: literary motifs, poetic images, lyrical cycles, lyrical heroes, archetypes, poetic creativity, Russian poetry, Russian poetess.

Цикл М. Цветаевой «Георгий» занимает центральное место в книге стихов «Ремесло», относящейся к переходному, кризисному периоду творчества Цветаевой. Мы попытаемся выявить динамику основных мотивов цикла, чтобы понять логику мета-сюжета. В уточнении нуждается само понятие «мотив». Что оно включает в себя и как проявляется в тексте? Б. М. Гаспаров в своей работе «Литературные лейтмотивы» (1993) пишет о том, что основной признак мотива в тексте – это «повторяемость смысла». А в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое «пятно» – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.; единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте <...> он формируется непосредственно в разворачивании структуры и через структуру...» [Гаспаров 1993: 30]. Учитывая тот факт, что текст лирического цикла связан с трансформацией канонического сюжета, то следует обратить внимание на понятие «архетипический мотив», его толкование мы обнаруживаем в работе Е. М. Мелетинского «Семантическая организация мифологического повествования и проблемы создания семиотического указателя мотивов и сюжетов» (1983). Мелетинский предлагает свою концепцию: «Одноактный микросюжет, основой которого является действие. Действие в мотиве является предикатом, от которого зависят аргументы-актанты (агенс, пациенс и т. д.). От предиката зависит их число и характер. Мотив должен охватить эту структуру в целом» [Мелетинский 1983: 118]. А также ученый в своей работе «О литературных архетипах» высказывал мысли относительно архетипических мотивов. Е. М. Мелетинский выделяет группы мотивов, нам интересны две из них:

1. Группа мотивов «активного противостояния героя неким представителям демонического мира». [Мелетинский 1994: 54]. Внутри группы разграничиваются два направления: «борьба с врагами и чудовищами (классическое выражение – борьба с драконом) как защита и спасение героем «своих» и добывание ценностей для «своих» и <...> страдательное попадание самого героя во власть демона и спасение от него» [Мелетинский 1994: 55].

2. Архетипический мотив «драконоборства», находящийся с мотивом «спасения от власти демонического существа» в отношении дополнительной дистрибуции» [Мелетинский 1994: 59].

С ситуацией «борьбы с драконом» закономерно связано появление мотивов «идентификации» и «трудной задачи» [Мелетинский 1994: 60]. Включается в комплекс перечисленных мотивов и мотив «женитьбы на царевне» [Мелетинский 1994: 60].

В цикле стихотворений «Георгий» находят свое отражение данные группы мотивов: Святой Георгий противостоит силам демонического мира, вступает в борьбу со змием.

Опираясь на рассмотренные определения мотива, приступим к анализу цикла. Известно, что цикл «Георгий» был написан на основе канонического текста. Марина Цветаева использует всем знакомый сюжет жития и трансформирует его с учетом своего мировосприятия. И поэтому при анализе лирического цикла следует уделить особое внимание библейским мотивам. Они являются сюжетообразующими, возникают с первого стихотворения цикла и пронизывают весь текст в дальнейшем. Библейские мотивы в поэзии Марины Цветаевой рассмотрены в ряде исследований: «Образ Святого Георгия возникает в конце 10-х – начале 20-х годов сразу в нескольких стихотворениях Цветаевой, а также в фольклорной поэме “Егорушка”, в которой копируются отдельные приемы и мотивы народной поэзии. Однако в основу цикла “Георгий” положены, прежде всего, жития Святых, и, несмотря на наличие в цикле отдельных фольклорных элементов, он больше соответствует торжественному тону жития, явно копируя его стиль и содержание» [Мещерякова 2000: 5].

И. Г. Саевич писал: « Сложный XX век оправдал апокалиптические предчувствия многих художников к. XIX – нач. XX вв. Мир нуждался в заступнике, способном остановить кровопролитие, разруху, вражду. Вера в торжество добра над злом поддерживала надежду на появление нового героя современности (знаменательно, что имя «Георгий» фонетически близко «герою»), поскольку решение проблем кровавого времени оказалось неподвластным обычному человеку. Художник, обладающий тонкой и ранимой душой, редко бывает приспособлен к внешнему вторжению в личную жизнь, поэтому неизбежно ищет опору в незыблемых ценностях. Само время определило предполагаемый облик заступника, тем более что очевидной была историческая аналогия с периодом жестокого гонения

нахристианскую веру – III-IV вв. (время жизни св. Георгия) – эпохой, обгащенной кровью первых мучеников.

Герой предстает мечтой, идеалом и реальностью одновременно (известно, что имя Георгий – одно из любимых у М. Цветаевой). Образ раскрывается в двух пластах: небесном и земном, т. е. духовном, вневременном и обыденно-житейском. За ними стоит целый сплав личных, неотделимых от них социальных духовных мотивов» [Саевич 2004: 2].

Стоит отметить, что для этого периода творчества М. Цветаевой первостепенную значимость отводилась не самому сюжету, а миру духовных ценностей: «стремление лирического сознания к максимальному слиянию с миром, попытка воплотить всю его изменчивость и динамику привели к форме лирической модели – “тема с вариациями”» [Серова 1997: 132]. И в стихотворном цикле «Георгий» отсутствует повествование, действие, основное внимание здесь уделяется внешнему изображению героя, которое во многом восходит к иконографическому образу Святого.

Первое стихотворение «Ресницы, ресницы» начинается с изображения Всадника и его Коня. Возникает мотив змеборчества, традиционный для жития. Это происходит не случайно: данный мифологический мотив получил свое распространение и среди творчества других поэтов, он был актуален в литературе данного периода. Змий – это мифологическое существо, которое враждебно для народа. Мотив змеборчества отсылает к революции. Она так же разрушительна и вредоносна, как и это чудовище. Прежде всего, в этом стихотворении заявлена тема война, который должен был быть спасителем, освободить девицу от страшного существа, народ верил в своего спасителя. Змеборцем в мифологии всегда выступал равный змию по силе герой, в данном случае – это Святой Георгий. Змий является существом сверхъестественной природы, а значит, и воин, который вступает в борьбу с ним, должен был обладать силой, несвойственной обыкновенному человеку. С одной стороны, он оправдал ожидания: победил змия. А, с другой стороны, он не выносит победы и отказывается от награды. У Святого Георгия, согласно мифопоэтической традиции, есть конь, который сопровождает его в странствиях. Белый конь – символ победного шествия и символ божественной сущности героя. В первом стихотворении

цикла также намечается мотив мученичества, внутреннего надлома: показан могущественный воин, который не может смириться с победой над змеем: «Вот-вот не снесет Победы! – Колеблется – никнет – и вслед копьём...». В следующем стихотворении эта тема раскрывается более подробно.

Таким образом, мотив змеборчества можно назвать многоплановым, он связан с борьбой, любовью и мученичеством.

Во втором стихотворении цикла «О тяжесть удачи!» сразу задается эмоциональный тон при помощи риторического восклицания. Снова появляется образ Святого Георгия, но здесь он уже вовсе не могущественный воин. Всё ярче раскрывается тема страдающей души. «Аллюзия к страшному времени кровопролития и братоубийства слишком ощутима, равно как и боль героини, ее сострадание к убитым и побежденным, заплатившим жизнью за чью-то победу. Скорбь Георгия, его детская стыдливость, брезгливость к «победному гласу», бегство от славы, т. е. добродетели святости, не укладываются в устоявшийся стереотип победителя» [Саевич 2004: 3]. Используется сравнение с красною девой и даже с ребенком: «Ты красною девою бледнеешь над делом, Стыдливости детской». Также необходимо выделить корневой и лексический повторы, скрепляющие стихотворение: «Брезгливая грусть», «брезгует Гадом», «брезгуешь даром». Этот прием подчеркивает душевное состояние Святого, не случайно делается акцент именно на это слово, снова отвергается победа. Повествование имеет фрагментарный характер, связь не причинно-следственная, а интонационная и ассоциативная. В начале и в конце стихотворения повторяется слово «сыт», оно указывает на стремление героя к покою. Также в финальной строфе стихотворения присутствуют автобиографические мотивы (оплеуха, судная труба), что предполагает связь между Самозванцем у Цветаевой (ищущим материнской защиты) и ее Святым Георгием (связанным с другим адресатом – мужем поэта Сергеем Эфроном).

Образом Святого Георгия здесь окружён флористической ассоциативной аурой: «В небеса – Куст» (рифмуется с устами), «нежный тростник», «послушные травы», флористические образы являются выражением земного начала, разбавляют картину борьбы, напряженного состояния.

Третье стихотворения цикла «Синие версты И зарева горние!» – это слава небесному герою. Эта часть лирического цикла наиболее приближена к каноническому тексту жития. Торжественный тон поддерживается на протяжении всего стихотворения, при помощи риторических восклицаний: «Славьте – Георгия!», «Славьте – коня его!», «В дом Госпожи своей/ Конным – вступившего!». В третьем стихотворении в наибольшей степени идеализируется герой. Многочисленные повторы – один из ключевых приемов (Славьте, коня, его). А также велика роль эпитетов. Особенно интересны эпитеты, которые характеризуют Святого Георгия, гиперболизируют его: «дивный муж», «пречистый юноша», «солнцеподобный», «башенный рост», «великолепный», «вольнолюбивый», «зорешенный»). Эпитеты создают святой, возвышенный образ. Но в последней части стихотворения флористические мотивы и образы связаны с наклоном, гибелью (льстивые ивы, травы поклонные). Сам Святой, что «розан / Райский – на травке». Снова появляется прием цветописи: «розовый рот». Этот цвет олицетворяет нежность, чистоту. К тому же используется уменьшительно-ласкательный суффикс в слове «половиночки». На канонический текст, как основу еще указывает слово «Победоносец», но хвала постепенно перерастает в жалобную песнь, в последней строфе меняется интонация, исчезает прежний восторг.

Таким образом, в этом стихотворении наряду с мотивами вознесения и возвышения возникают мотивы падения, наклона, надлома, земные образы. Возвышенный образ героя к концу стихотворения будто бы сливается с природой. А в заключительных строках звучит горькая ирония: «Победоносец, / Победы не вынесший». Равнодушие героя к земным почестям вполне соотносится с иконографической трактовкой образа святого – далекого от триумфа и «чуждого гордого самосознания» [Саевич 2004: 4].

Четвертое стихотворение цикла «Из облаков кивающие перья...» – риторическая демонстрация смиренной скромности.

Снова появляются библейские мотивы, мотив святости: «– Георгий! – Ставленник небесных сил!» «Как передать – с архангельских высот / Седла – копыя – содеянного дела», «Боже-ственную ведомость закончив». В отличие от предыдущих стихотворений цикла, в четвертом звучит голос самого Святого Ге-

оргия: «– О, не благодарите! – По приказу». Он отвергает благодарность, поскольку деяние подчинено божественной воле, у героя не было выбора. Интонация в этом стихотворении более размеренна, хотя присутствуют риторические восклицания, синтаксический параллелизм: «Как передать твое высокомерье, Как передать закрепощенный пыл».

В пятом стихотворении «С архангельских высот седла» тесно переплетены мотив подвига и мотив смерти.

Именно в этом стихотворении впервые возникает отсылка к Белой армии: «В заоблачье исчезать как снасть! / Двучиерезе-вать как пасть! / И не опомнившись – мертвым пасть: / О страсть! – Страсть! – Страсть!» Святой Георгий предстаёт как покровитель обречённых воинов. Ощущение движения, быстрый ритм создается за счет повторов, которые разбивают стихотворение на 3 равные части: начало «– О даль! Даль! Даль!», середина « О вись, Вись! Вись!», и завершается пятое стихотворение возгласом «О страсть! – Страсть! – Страсть!». Здесь важно указание на то, что Святой действует не по собственной воле.

Шестое стихотворение цикла «А девы – не надо» тяготеет к фольклорной традиции. Здесь звучит мотив дороги: «По вольному хладу / По синему следу / Один я поеду», что символизирует движение, душевное стремление избавиться от мук. Библейские мотивы также присутствуют: «Во славу Твою», то есть во славу Бога, «Храни, Голубица» – обращение к Деве Марии, скрытой за образом «Голубицы». А также появляется образ «девы», но Святой Георгий отказывается от нее: «Храни... / Героя – от девы», стремится к одиночеству: «Один я поеду. / Как был до победы: / Сиротский и вдовый». Так трансформируется традиционный мотив «женитьбы на царевне», центральным становится мотив одиночества. Синтаксический параллелизм отмечает вехи одинокого пути: «По вольному хладу», «По синему следу», «По вольному следу». Эллипсис: «От града – посева, Деву – от гада, Героя – от девы» – придает высказыванию афористичность.

И, наконец, в седьмом стихотворении цикла «Овсеми ветрами» снова возникает отсылка к каноническому тексту, на первом плане изображение Святого Георгия, но появляются и новые мотивы.

С первых строк вновь появляется флористический мотив: «О, всеми ветрами Колелемый лотос». Образ лотоса олицетворяет совершенство, чистоту. Лотос – это символ божества. Но следует тут обратить внимание на то, что этот цветок символизирует неземное начало в другой религиозной традиции – Буддизме. Это, в свою очередь, указывает на то, что М. Цветаеву интересовала не только христианская вера. Все строки стихотворения буквально пропитаны нежностью, теплотой, при помощи метафорических перифразов («О лотос мой!», «Лебедь мой!», «Олень мой!», «Тропарь мой!», «Алтын мой!»).

Но, пожалуй, главную роль в заключительном стихотворении играет автобиографический мотив. Автобиография является не просто самоанализом, размышлением о жизни, событиях, она определенным образом находит своё выражение в творчестве: автобиографические мотивы могут быть даны скрыто или явно. Полностью трансформируется центральный образ, звучит обращение уже не к святому, а, скорее, к возлюбленному человеку. Здесь уже не «ставленник небесных сил», а герой земной – рыцарь самой лирической героини, не случайно используется сравнение с земными образами, а точнее с животными. Постоянный повтор местоимения «мой» усиливает интимно-личный характер обращения. Образ Георгия отождествляется с мужем М. Цветаевой, она прибегает к параллели образа небесного ангела и воина Белой Гвардии: «Поражение Белой армии, вынужденная эмиграция ее воинства, в т. ч. и С.Эфрона, вызвали у М. Цветаевой разочарование, горечь, боль («Трепещущей своре // Простивший олень»). Однако чувство радости, охватившее поэтессу после восстановленной связи с любимым человеком, вытесняет пренебрежительный тон и вырастает в патетически восторженное признание в любви к побежденному победителю: «О лотос мой! / Лебедь мой! / Лебедь! Олень мой! / Ты – все мой бденья / И все сновиденья! / Пасхальный тропарь мой! / Последний алтын мой! / Ты больше, чем Царь мой, / И больше, чем свет мой!» [Саевич 2004: 4].

Таким образом, лирический цикл «Георгий» организован двумя контрастными рядами мотивов. С образом Святого Георгия, с одной стороны, связаны мотивы величия, силы, святости, духовного вознесения, а с другой стороны, обреченности, сла-

бости, страдания, подневольного служения. В стихотворениях сплетены житийные, фольклорные, автобиографические мотивы, что придаёт циклу многослойность, многоплановость, усложнённость ассоциаций, духовные и земные образы помогают воссоздать картину внутренней борьбы.

Литература

1. *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. – М.: Наука: Вост. лит., 1994. – С. 304.

2. *Мелетинский Е. М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1983. – XVI: Текст и культура. – С. 115-125.

3. *Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах / Российский государственный гуманитарный университет. – М., 1994. – С. 136. – (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).

4. *Мещерякова И. А.* Библейские мотивы в поэзии М. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – С. 28.

5. *Саевич И. Г.* Образ Святого Георгия в поэзии М. Цветаевой: сб. науч. тр. – 2004. – С. 5.

6. *Серова М. В.* Поэтика лирических циклов в творчестве Марины Цветаевой: научно-метод. пособие. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. – С. 132.